

ЛЕКСИКА ПЕРМСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ *

И.А. Подюков, *Институт гуманитарных исследований УрО РАН*

Для цитирования:

Подюков И.А. Лексика пермских старообрядческих говоров в лексикографическом описании // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2022. – № 4. – С. 36–44. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2022.4.4>

Рассмотрены материалы готовящегося к изданию «Словаря лексики и фразеологии старообрядцев Пермского края». Представлен имеющийся опыт лексикографического описания старообрядческой речи (Прибалтика, Забайкалье, Сибирь). Дано описание основных пластов пермской старообрядческой лексики – культовой терминологии, заимствований, экспрессивно-оценочных слов и паремий. Отмечается тематическое разнообразие лексики (самоназвания толков, имена святых, названия книг, названия служб и обрядов, утвари, культовой пищи, одежды, традиционная мифологическая лексика). Словарь описывает не только культовую, но и бытовую и хозяйственную стороны жизни старообрядцев, чем объясняется включение в его состав бытовой лексики и этнографизмов. Основной акцент в статье делается на зафиксированной в речи пермских старообрядцев мифологической лексике: дана характеристика демонимов (имен духов и антропоморфизированных болезней, номинаций людей, контактирующих с нечистой силой, обозначений магики-ритуальных действий и обрядовых атрибутов). Представляя собой особую группу, мифологический пласт лексики (считающийся базовым для традиционной культуры) показывает, что старообрядчество при всей закрытости жизни, своеобразии мировоззрения и морально-этических норм было и остаётся частью единой русской народной культуры.

Ключевые слова: диалектная речь, конфессиональная терминология, лексика веры, диалектные мифонимы.

Лексикографическое описание старообрядческих говоров – давняя диалектологическая традиция. В 1963 г. были изданы «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» [11], где дано описание названий старообрядче-

ских понятий и реалий (напр., используемого в каждении чабреца *Божья травка*, поста с крайне ограниченным питанием *сухой пост*, последнего дня Пасхи *проводное воскресенье*). В 1999 г. появляется «Словарь говоров старообрядцев (семей-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

ских) Забайкалья», в котором рядом с собственно старообрядческой (*богословить* 'благословлять', *Вотча* 'название молитвы «Отче наш»', *подружница* 'коврик для моления, «подручник»' описаны названия предметов домашнего обихода, строительная терминология, лексика погоды, названия растений и животных, лексика охотничьего и кедрового промыслов старообрядцев Забайкалья [14].

Издание «Диалектный словарь староверов Латгалии» Е.Е. Королёвой описывает речь староверов-беспоповцев поморского согласия, живущих в юго-восточной части Латвии, раскрывает особенности речи и духовной культуры поморцев [9]. Оно содержит большое количество слов, связанных с религиозной жизнью: *азбука* 'учебник по церковнославянскому языку', *азям* 'церковное облачение духовного наставника и клирошан мужчин' и 'верхняя мужская одежда покойника', *аллилуйный день* 'первый день Великого поста'.

О.Н. Паликова и О.Г. Ровнова в «Словаре говора староверов Эстонии» представили употребительные в речи русских староверов, живших в течение трех столетий в эстонском окружении, диалектные названия старообрядческой одежды, молений, книг [12]. В целом этот Словарь содержит относительно небольшое количество обозначений понятий веры и деталей обрядов (*грехи сдавать* 'исповедаться', *класть начал* 'читать начало молитвы', *кисель-разгонщик* 'последнее блюдо на поминках' и пр.).

Г.Н. Стариковой и Т.С. Соколовой [17] разработан старообрядческий словарь идиолектного типа, исполненный на письменном материале (дневниковые записи за 1915–1923 гг. безымянного члена старообрядческой общины, обитавшей в первой четверти XX в. на севере Томской области). Религиозная сторона жизни в нём представлена редкими указаниями на события календаря, названия чинов, ритуальных действий (*Преполовение* середина, половина Пятидесятницы; четвертая неделя между праздниками Пасхи и Сошествия Св. Духа, *отец, отче* глава

общины, *принять святое крещение* 'принять иночество'). В Словаре описаны также такие распространенные диалектные слова, как *баской* 'красивый', *ведро* 'об отсутствии дождя', *картовище* 'картофельное поле', бытовая и хозяйственная лексика. Еще один идиолектный словарь содержит описание языка Агафьи Лыковой [Толстова, 2004], отражает словарный запас сибирской отшельницы: диалектные слова типа *испростудить* 'застудить, подвергнуть переохлаждению'), *лопоть* 'верхняя рабочая одежда', *ветродуйка* 'холодная изба'. Разнообразная включенная в Словарь сакрально-богослужбная лексика: *измири́ть* сделать что-л. нечистым, греховным, допустив контакт с православным, мирским, *богоявленская вода* о крещенской святой воде, *смёртна одежда* одежда, приготовленная для погребения.

В 1980 г. в Польше вышел «Словарь говора староверов, проживающих в Польше» И. Грек-Пабисовой и И. Марыньянской [22]. В 2016 г. выходит «Словарь польских заимствований в русском говоре старообрядцев» (автор Д. Пасько-Конэчняк [16]). Начата работа по созданию «Словаря говора старообрядцев Южной Америки» (авторский коллектив сотрудников ИРЯ РАН, руководитель О.Г. Ровнова). В нем будет описана конфессиональная лексика перебравшихся в начале 1960-х гг. из Китая в Аргентину, Боливию, Бразилию, Уругвай старообрядцев часовенного согласия. В своей основе это один из сибирских говоров, сформировавшийся на базе переселенческого среднерусского говора.

Исследование старообрядческой речи, и особенно старообрядческой конфессиональной лексики, остается актуальной научной задачей. Культурный консерватизм старообрядцев со всей очевидностью проявлен и в их речи. Разработанный на пермском материале Словарь отражает лексико-фразеологический состав старообрядческих говоров, а отчасти представляет религиозную традицию и уклад жизни старообрядцев Пермского края.

По разным причинам в прошлом на территории Пермской губернии оказались представлены все основные направления старообрядчества; рядом оказались выходцы с Русского Севера, из Центральной России и Поволжья. Функционирующая в устной народной среде старообрядческая лексика имеет немало общего и с лексикой православия, и с местными диалектами; в то же время и в живом звучании ее отличает книжное начало, связанное с особым отношением старообрядцев к памятникам древнерусской книжности. Пришедшие на Урал старообрядцы не занимали определенной территории, часто мигрировали и вступали в контакт с местным населением, в результате неоднократных перемещений и контактов в их речи появляются территориально ограниченные элементы, воспринятые от географических соседей. Поэтому старообрядческие говоры, речь жителей старообрядческих поселений отличается разнообразием диалектных наслоений.

Словарь содержит большое число заимствований из старославянского и греческого языков, обозначающих религиозные понятия, обряды, названия религиозных праздников, религиозной атрибутики. Бросающаяся в глаза черта говорков – разнообразие отвлеченной лексики, отмеченной религиозно-философским и морально-этическим содержанием, коннотацией книжности, что объясняется религиозной грамотностью носителей традиции слова, отражающие основные понятия старой веры (*прелесть* соблазн, *спасенье* избавление от грехов, *бра́ченье* заключение брака, *отпу́ст* завершение молитвы, содержащее краткое благословение, *отрицание* отречение). Особый характер имеют также образные средства старообрядческой речи, отличающиеся религиозной тематикой, направленностью на интерпретацию категорий веры, среди которых немало экспрессивных характеристик (*Назарет* место счастливой, безмятежной жизни человека, *мух гонять* ироническая оценка полагания крестного знамения в православии, *Богу гореть* ‘мо-

литься с особым духовным настроением, усердием’, см. подр. [13]). При всей внешней неэмоциональности, замкнутости, направленности на себя старообрядцы нередко демонстрируют идеологическую нетерпимость, категоричность оценок, особенно для понятий и действий, не соответствующих традиционным нормам.

Описанная в Словаре лексика представляет такие тематические группы, как «самоназвания толков», «имена святых», «названия книг», «служба и обряды», «утварь», «культовая пища», «одежда». Стремясь раскрыть особенности не только культовой, но и бытовой и хозяйственной сторон жизни старообрядцев, показать контакты с другими группами населения, авторы словаря частично включили в его состав бытовую лексику и этнографизмы. Представлена в словаре и демонологическая лексика, обрядовая терминология (крестильный, свадебный, похоронно-поминальный обряды), типичная для русских говоров Прикамья в целом. Основными источниками словаря явились полевые материалы авторов, их экспедиционные записи в местах концентрированного проживания старообрядцев на селе – Ильинский, Красновишерский, Лысьвенский, Сивинский, Суксунский, Куединский и другие районы (экспедиции проводились с 2002 по 2021 гг.). Частично в состав словаря включалась старообрядческая лексика, зафиксированная от старообрядцев г. Перми, Лысьвы, Верещагино.

В качестве иллюстрации особенностей Словаря и пермских старообрядческих говоров обратимся к мифологической лексике, которая считается базовой для традиционных культур. В нее входят именованная духов, антропоморфизированных болезней, номинации людей, контактирующих с нечистой силой, обозначения магико-ритуальных действий, обрядовых предметов, атрибутов, действий, названия демонологических персонажей, часто архаического, нехристианского происхождения. Типичные для собственно диалектной речи, эти слова частотны и в речи старообрядцев (нередко в специфиче-

ском употреблении). Показателен в этом отношении текст, в котором носительница старой веры выражает свое отношение к бытующему до сих пор знахарству: *«Меня спрашивает как-то наставник (я сильно заболела): «Ты может к бабке бы сходила»? Я, говорю, Федор Андреич, ведь это, во-первых, грешно, во-вторых, я им не верю. И, в-третьих, я их очень боюсь. Он и говорит: «А в Бога веришь»? Я говорю, верю. «Так знай, что есть Бог и есть дьявол. И есть чёрное, и есть белое. И так в мире существует, всегда противоположное что-то есть»* (Лысьва). Несмотря на следование религиозному «закону», старообрядцы, живущие многие десятилетия бок о бок с православными и «безбожными», восприняли многие понятия архаических верований. Как отмечает Н.Н. Велецкая, для старообрядцев «характерна заметная реставрация язычества в мировоззрении и культовых действиях» [4, с. 15]; о том же говорит Е.Б. Смилянская, отмечая сосуществование в культуре старообрядцев Верхокамья развитой книжной традиции и «детализированной до мелочей веры в магическое, колдовское» [16, с. 56]. Исследования показывают, что в старообрядческой культуре последнего времени немало архаических элементов ушедших традиций. О. Б. Христофорова дала, в частности, подробное описание популярного и даже тщательно сохраняемого в старообрядческой среде Верхокамья демонологического персонажа, за которым скрывается мифологизация сложного социально-культурного и одновременно психофизиологического явления *икотка*, или *порча*, *пошибка* (см. [20]).

По бытующим в старообрядческой среде представлениям, крестная сила может взаимодействовать с нечистой. Как показали описания других локальных традиций старообрядчества, лексика суеверий активно функционирует в старообрядческой речи; эта часть словаря говоров показывает, что старообрядчество было и остаётся частью единой русской народной культуры (при всей закрытости

жизни, своеобразии морально-этических норм и неприятии многих реалий современной жизни).

Мифологическая лексика, следовательно, носит «блуждающий» характер, в связи с неравномерностью развития говоров имеет свою географию. Специфика отдельных местных традиций, как показали исследования на полесском материале, выражается и в высокой частотности в них тех или мифологических номинаций, и в их отсутствии [5, с. 27]. Е.Ю. Балова, исследуя нижегородскую демонологическую лексику, выявляет отличия по ее репертуару и номенклатуре, отмечает, что эти отличия носят частный характер и объясняются больше лингвистическими, чем этнографическими причинами [1]. В речи пермских старообрядцев, как можно заключить по данным Словаря, выявляется типичный для севернорусской традиции набор демонологических персонажей.

Это общие названия нечистого духа, чёрта *ворог/ враг*, используемые как дублеты: *«Клеветера-то* (искаженное *клевет* ‘приверженец в каком-нибудь неблагоприятном, дурном деле, приспешник, приверженец’ от латинского *collibertus* ‘товарищ, собрат’), *дьявол, и ангел. Ангел пишет, а другой, бес, тоже пишет, правый это ангел, а здесь враг. Это знайте, они от нас не отходят, который пересилит*» (Пильва Куед.); *«Колдуны ничего не боятся, они врагу преданы, их чёрт в жопу тычет, заставляют портить людей»* (Нярино Нытв.); *«К некурящим не лезет ворог, не подступается»* (В. Язьва Краснов.). *Врагом* (церковнославянизм), как считают верующие, Спаситель назвал дьявола, черт точно так же называется в говорах исконно русским *ворог* (при этом слово лишенохарактерной для общего употребления высокой окраски).

Среди «видовых» орбозначений нечистой силы отметим необычное название *Гришка* о бесе, помогающем колдуну: *«Ребёнок-то рассказывает: «Дедушка, как было страшно. Вот этот дед открыл западню и стал кричать Ваньку, Гришку. И оне отвечают страшными-страшными*

голосами. И дед спрашивает: «Скажите, кто деньги взял у такого-то»? А главный, голос страшный отвечает: «Деньги съела корова...» (Лысьва). Как нам представляется, такое применение имени есть результат профанизации символического смысла имени Григорий (в христианских верованиях известен как изгоняющий бесов, оберегающий – из связи с греческим «бодрствующий, не спящий», в народных представлениях воспринимается и в связи с темой смерти в выражении *за грешу таратухина идти* ‘умирать’ [19, с. 81]). Соотносится по созвучию с Георгием-победоносцем, который осмыслен в народных верованиях как карающий помощник, с Егорий (ср. наделение этого персонажа демонологическим смыслом, как одного из растительных духов в архангельском *егорке на бородку оставить* ‘оставить в поле недожатые колосья, соответствующим образом завив их’ [19, с. 78]). Это имя встречается в загадке о лешем *Выше лесу выше гор ходит дедушка Егор, лапти у него семи четвертей* [7, с. 205]. Оно может обозначать опасного зверя (называние волка в южнорусском эвфемическом *кум Егор* и в украинском *Егор* [6, с. 34]). Имя может быть перенесено также на домового: «*Чтобы в доме все нормально было, нужно каждый месяц первого числа хлеб положить за печку и называть по имени домового – Егорка*» (Перино Караг.). Любопытно частотное использование имени Григорий/ Гриша для домового в современной традиции; Григорием называют интерьерные куклы домового, домашние куклы-обереги с метелкой и мешочком соли. *Георгий/ Григорий/ Егорий/ Егор*, следовательно, могут олицетворять сверхъестественные силы, выступать и как оберегающая, и как карающая, опасная сила.

В речи старообрядцев отмечены упоминания таких персонажей «низшей» мифологии, как духи локусов: *суседко* о домовом, *банный дедушко* о баннике, *лесная бабушка* о лешахихе. Любопытно наделением именем *Евгений* домового: «*В каждом доме есть дух Евгений. В двенадцать часов: «Дух Евгений, приди ко*

*мне». – «Здравствуйте». – «Помоги мне, пожалуйста, Евгений». И мысленно говоришь, что болит. Потом лежишь и ждёшь, а он знак должен дать. То ли дверь скрипнет, или кошка, или сквозняк. Потом попрощаешься, «спасибо» скажешь» (Фоки Чайк.). Имя, как известно, связано с идеей рода («благородный»). Наделение им призвано направить силы духа дома на развитие семейного счастья и благополучие. Используемый прием антропоморфизации вполне типичен для восприятия мифологических персонажей в человеческом облике, ср. о присвоение имен порче-икотке в пермских *Иван Петрович, Иван Михайлович, Максимка, Ваня, Александра Ивановна, Петрович, девочка Верочка, Фекла-Анна* и др.*

Названием лесного духа *лесная бабушка* выражается установка на задабривание, которая связана с идеей родства («*А в лесу живут дедушка, бабушка лесные. Смотрим, идёт старушка, белый платок под чушку, такая дубинка, она сколь высока, большущая, на одной, на левой руке несёт подошницу, а в правой дубина. А лицо она не показала. Дорогу нам пересекла. Юбка длинная, такой халатик чёрненькой, и подвязано поясочком. Мы испугались. И подошница на руке. Так испугались, думали, скрадет нам дорогу. Нет, дорогу не скрала*») (Сретенское Ильинск.). Аналогично оформлено название лешего *лесной дед*, банника *дедушко банный* («*Дедушко банный – это дух, в бане живёт*», п. Ильинский). Название духа «ходящего» покойника *огневка (огненный)* («*Говорят, кто-то огненный летает. Люди видали: как метло летит, падёт и рассыпется где-то в задах*», Уральское Чайк.) связано с демонизацией непонятных космических событий, небесных «огненных» явлений типа летящих, падающих звезд, метеоритов, необычных сполохов.

Наряду с использованием названия духа бани *банница* старообрядцами часто применяется имя апокрифического, отмеченного в христианской книжности персонажа *Саломея/ Соломея/ Соломия/ Со-*

лония. Соломеей в народно-православной традиции называют повитуху (повивальная бабка, якобы присутствовавшая при рождении Иисуса Христа, представлена также на почитаемых иконах с сюжетом Рождества Христова). Часто в заговорах Саломея/ Соломея/ Соломия (также Соломонида, Соломония, Соломея Соломатьюшка Саламаня [8, с. 60, 71, 146, 404]) предстает не только бабушка-повивальница Христа, но и как целительница – от грыжи, зубной боли, сглаза и пр. [21].

В старообрядческой речи фиксируются разнообразные сюжеты о «ходящих» кладах: *«Клад ходит. По ночам вдруг стулья как заходят. Земля с потолка сыплется, такая стукотня стоит. Золото это ходит, клад»* (Кишерть). Частый образ клада (обычно не «дающегося» человеку) – заяц, барашек, петух, вороной конь, солдат. Связанные с таинственными сокровищами чудеса о явлении клада человеку привлекают носителей веры своей морально-нравственной стороной, связываются с другими историями дьявольского искушения, с помощью которого проверяется сила веры.

Мифологизированные представления о болезнях и аномальных состояниях человека отражены в номинациях порчи, сглаза типа *полуночная беспокойница, трясавица, уроки* (*«Лежит мужчина, трясавица болезнь у его, трясутся которы, ну, припадки у человека бывают, когда трясёт, которы безумцы, Лысьва; «У неё что-то на ухо отдало. Лежит на печке, ухо через подушку греет. Я и говорю ей: «Это у тебя не уроки?». А Данило, он урочливый. Я два раз так занемогала. На сенокосах. Один день мы с ним сено кидать уже должны были, а вдвоём остались, позвали двух женицин на помочь. Один день отметали ничего, а на другой день стала метать, а наверху была и меня так тошнота разобрала, что я прямо там изливала, и откуда столь взялось? Я уточнила, что красивые люди урочливые бывают. Может, позавидовал, что я и на сенокосе, и по дому, и везде враз успеваю, а его жена не так. Вот одна жен-*

щина и говорит: «Это у тебя уроки». И ведь все эти запуки надо знать. Я до того времени и не знала. Она в кружку воды набрала и через порог на меня три раза рукой плеснула. И с меня как спало», Сепыч Вер.). Название испуга у детей *шукатурница*, вероятно, имеет позднее происхождение: *«Лечила шукатурничу – переполох у маленьких детей, дак в бане. Поглаживает веничком, парит, приговаривает: «Где деды не бывали, где петухи не певали, где скот не бродит, туда уходи»* (Григорьевское Нытв.). Возможная мотивировка названия – соотнесение с названием женщины-штукатура (обычно в белой гипсовой пыли, откуда связь с мифологическими духами болезни и смерти *белая баба, белая девка*).

Эвфемично название напускаемой колдуном порчи-икоты *пошибка* (*«У меня у мамы пошибка была, но излеченная. Она говорить не могла. А вот у соседки пошибку не излечили, так у неё иногда голос был и говорил, что будет – как предсказывал»*, Лукино Вер.). Слово, скорее всего, связано с глаголом *пошибать* (из начального значения ‘ударять, действовать резко’. Возможно также использование указания на сходство с носителем порчи, ср. в пермских говорах *пошибать, нашибать* ‘походить на кого-л.’. Признавая порчу как мифологического духа, старообрядцы соотносят многочисленные сюжеты о вселении в человека икотки с евангельскими историями об одержимости человека бесом.

Знахарство, знахари, лечение. БАБКА. ЛЕЧЕНИЦА. Безусловно, мифологическая лексика демонстрирует размывание старой веры, всегда отличавшейся догматизмом. В то же время данные картотеки демонимов насчитывают свыше 1 600 единиц [3, с. 37]. Демонимы в речевой традиции позднего времени сохраняются как знаки, наделенные большим коммуникативно-прагматическим потенциалом; все реже выполняя магическую функцию, они используются для выражения удивления, поощрения, как средства эмоциональной разрядки [2, с. 271].

6.1. Лечить знахарством. БАБУШНИЧАТЬ. ЧЕРТИТЬ. Произнося заговор от **болезни**, чертить над чем-л. ногтем, рысьим когтем ИСПРАВЛЯТЬ. ЛАДИТЬ ПРИМОВЛЯТЬ (сопровождать магическое действие словами, заговаривая болезнь (то же в укр. *примовляти* ‘лечить словами’). *Как ночь, так на ребёнка рёв находит. Бабка была, примовляла, к ей сносишь, и спит ребёнок.* Кержаковка Лысьв.

Среди названий магических процедур отметим глагол *завечать* ‘загадывать’ на судьбу по высаженному дереву (заветная липа – свято хранимое, сберегаемое, неприкосновенное дерево). В пермских говорах он используется в значениях ‘загадывать, задумывать что-л. желаемое’ (*Девки, завечайте женихов-то, на новом месте будете спать; вчера завечали - никто не почудился.* Осокино Сол.; Связанное с завет наставление, совет последователям, потомкам, в народной речи слово обозначает ритуальное действие *Я завечала на всех цветы, когда садила. Робят убило на войне, а цветы все растут.* Вильва Сол. В речи старообрядцев глагол используется для обозначения ритуала (*Завечают дерево, садят когда. Покуль дерево живёт, и человек живёт.* Постанови Нытв.). от *vētiti* «советовать, говорить» (от *věť*, см. вече).

7. Магическое средство. Первый дым, см. **Магия дыма.** Дым связывает человека с Духом Воздуха и имеет сильные очистительные свойства. Например, дымом, связывающим небо и землю, очищали пространство между земными и потусторонними силами. Очистительные окуривания совершали деревянным(своим) огнем, добываемым в магических целях архаическим способом трения, чиканым огнем, когда кресалом ударяли по кремню. *Два бруска над печкой, грядка, тятя сделал валик, на доску положил, веревку или ремень дергали, дым пошёл. Деревянный это огонь. А чиканный огонь – это камешками. Добудут, и обкуривай больное место.* Соколово Вер.

Ослаблена вариантность, синонимия, множественность обозначения одних и тех же персонажей.

Суеверия оцениваются в христианстве как грех недоверия Богу. Вероисповедание старообрядцев, как показывают языковые материалы, в определенной степени уживается с дохристианскими верованиями, сохранившимися в народных представлениях до наших дней. Древние и устойчивые воззрения на мир (мифология, как известно, является одной из первых попыток классификации действительности), мифотворчество есть важнейшее явление в культурной истории человечества.

Все больше уходит из употребления терминология, относящаяся к различным верованиям. Современный человек остро воспринимает нарушение гармонии в мире, в духовной жизни, утрату своей значимости в происходящих процессах, ощущает свою зависимость от не подвластных ему внешних сил. сохранности языческих традиций и более слабым влиянием христианства.

Демонологическая лексика выражает зло, отражает эстетизацию зла, ее активное использование есть проявление апокалиптических настроений. Одновременно такая демонстрация хаосного выступает как путь его преодоления. Суеверия помогают человеку справиться с тревогой и в этом смысле близки к поэзии, так как улавливают созвучность внутреннего состояния человека и мира. По словам Гете, нестыдно быть суеверным поэту: *Der Aberglaube ist die Poesie des Lebens; deswegen schadet's dem Dichter nicht, abergläubisch zu sein* («Максимы и размышления»).

Сокращения:

Вер. – Верещагинский район
Ильинск. – Ильинский район
Караг. – Карагайский район
Краснов. – Красновишерский район
Куед. – Куединский район
Лысьв. – Лысьвенский район
Нытв. – Нытвенский район
Сол. – Соликамский район
Чайк. – Чайковский район.

Библиографический список

1. *Балова Е.Ю.* Демонологическая лексика в говорах Правобережья Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Арзамас, 1999. – 18 с.
2. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* О лингвопрагматике русских демонимических проклятий. – Шаги / Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 268–287.
3. *Васнева О.И.* Типы и способы номинации демонологической лексики (на материале пермских говоров). // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2 ч. Ч. I. С. 37–39.
4. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: София, 2003. – 237 с.
5. *Виноградова Л.Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: дис. ... д-ра филол. наук. – М., РГГУ, 2001. 92 с.
6. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – 912 с.
7. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
8. *Кляус В.Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. – М.: «НАСЛЕДИЕ», 1997. – 464 с.
9. *Королёва Е.Е.* Диалектный словарь староверов Латгалии. Т. 1 (А–В). – Рига: Институт Староверия Латвии, 2017. – 560 с.
10. Мой домовой по имени Евгений. [Электронный ресурс] – URL: <http://zen.yandex.ru>. (дата обращения: 20.08.2022)
11. *Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. / под ред. М.Ф. Семеновой. – Вильнюс, 1963. 362 с.
12. *Паликова О.Н., Ровнова О.Г.* Словарь говора староверов Эстонии. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2008. – 160 с.
13. *Подюков И.А.* Особенности образной лексики и фразеологии старообрядческих говоров Прикамья // Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». 17–18 ноября 2021 г. – Улан-Удэ, 2021. – С. 196–208.
14. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / ред. *Т.Б. Юмсунова*. – Новосибирск: СО РАН, 1999. – 540 с.
15. Словарь польских заимствований в русском говоре старообрядцев Сувальско-Августовского региона. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2016. – S. 224.
16. *Смилянская Е.Б.* Микрокосмос верхокамского старообрядца // Старообрядчество Русского Севера. – М., Каргополь, 1998. – С. 53–56.
17. *Старикова Г.Н., Соколова Т.С.* «Ходил по рыбу обыденкой»: Томский старообрядческий словарь. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2018. – 104 с.
18. *Толстова Г.А.* Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. – 562 с.
19. *Феоктистова Л.А.* Время и человек в свете ономастической и отономастической номинации. Научно-технический отчет. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.
20. *Христофорова О.* Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции. – М.: РГГУ, 2013. – 304 с.
21. *Юдин А.* Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники её образа. – Славянский и балканский фольклор. Винограды. Вып. 11. – М.: Индик, 2011. – С. 215–225.
22. *Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. 404 p.

VOCABULARY OF PERMIAN OLD BELIEVERS DIALECTS
IN LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

I.A. Podyukov

Institute of Humanitarian Studies UB RAS

For citation:

Podyukov I.A. Vocabulary of permian old believers dialects in lexicographic description // Perm Federal Research Center Journal. – 2022. – № 4. – P. 36–44. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2022.4.4>

The article presents the materials of the forthcoming Dictionary of Vocabulary and Phraseology of the Old Believers Dialects of the Perm Region. The available lexicographic descriptions of the Old Believers speech (Baltic States, Transbaikalia, Siberia) are outlined. The main layers of Permian Old Believers vocabulary – cult terminology, borrowings, expressive and evaluative words and paroemias are described. The thematic diversity of vocabulary can be noted (self-names of the interpretations, names of saints, names of books, names of services and rituals, utensils, cult food, clothing, traditional mythological vocabulary). The dictionary reports not only the cult aspects, but also the everyday and economic sides of life of Old Believers, which explains the inclusion of household vocabulary and ethnographisms in its composition. The main emphasis in the article is set on the mythological vocabulary fixed in the speech of Permian Old Believers: the characteristics of demonim (names of spirits and anthropomorphized diseases, nominations of people in contact with evil spirits, designations of magical and ritual actions and ritual attributes). Representing a special group of words, the mythological layer of vocabulary, which is considered to be basic for traditional culture, shows that Old Believers, with all the closeness of life, specificity of their worldview and moral and ethical norms, were and remain part of an integrated Russian folk culture.

Keywords: dialect speech, confessional terminology, vocabulary of faith, dialect mythonyms.

Сведения об авторе

Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН («ИГИ УрО РАН»), 614013, г. Пермь, ул. Генкеля, 4; e-mail: podjukov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.09.2022 г.